

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

(далее – ТББ; А. и Б. Стругацкие - АБС)

Сканирование выполнил Михаил Сухарев; текст АБС дан курсивом

Начало. Подростки. Румата (Антон) задолго до Арканара, чисто коммунистическая картинка беззаботного (почти) детства. Но это понятно лишь тем, кто читал «Полдень», в самом этом отрывке чисто коммунистического нет. Такое могло быть и в СССР. Вот одно предложение оттуда, из «Полдня»: *Четверка обитателей 18-й комнаты была широко известна в пределах Аньюдинской школы. Это было вполне естественно. Такие таланты, как совершенное искусство подражать вою гигантского ракапаука с планеты Пандора, способность непринужденно рассуждать о девяти способах экономии горючего при межзвездном перелете и умение одиннадцать раз подряд присесть на одной ноге, не могли остаться незамеченными, а все эти таланты не были чужды обитателям 18-й.*

В ТББ это представление АБС о педагогике будущего, где детей воспитывают Учителя сверхвысокой квалификации, одна из самых уважаемых профессий в мире коммунизма, по стилю четко продолжено. Правда, кончается в ТББ как-то неоднозначно: *...Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над черным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.*

- Так здорово все было задумано, - сказала Анка грустно. - Эх, вы!.. Ребята промолчали. Затем Пашка вполголоса спросил:

- Тошка, что там было, под знаком?

- Взорванный мост, - ответил Антон. - И скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету. Он подумал и добавил: - Пулемет весь врос в землю...

- Н-да... - сказал Пашка. - Бывает. А я там одному машину помог починить.

Арканар. Введение. *По сторонам тянулись распаханые поля, мерцали под звездами болота, воняющие неживой ржавчиной, темнели курганы и сгнившие частоколы времен Вторжения. Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево: должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбировок, недавно переименованных по августейшему указу в Желанные, Благодатные и Ангельские.*

Ну, это чтобы сразу стало ясно место действия.

Беглый книгочей иронизирует: *В наше время так легко и сытно быть шпионом. Орел наш, благородный дон Рэба озабочен знать, что говорят и думают подданные короля. Хотел бы я быть шпионом. Рядовым осведомителем в таверне «Серая Радость». Как хорошо, как почтенно!*

Реминисценции понятны... Конечно, же, Арканар – в значительной степени про нас. Это одна сторона Союза, заброшенное село и нештатные агенты. Было всякого такого, но был и космос с атомом, были кварталы новостроек, кто же спорит.

В этом проблема современной идейной войны между «совками» и «царебожниками». Одни тыкают пальцем в ГУЛАГ, другие кричат о крепостном праве. Было, что уж там, было и то, и другое. Но были и славные дела, Наполеона с Гитлером победили? Победили. Петербург построили? Братскую ГЭС тоже? Ледокол Ермак и ледокол Ленин?

Неужели нельзя перейти к стереоскопическому зрению? Сколько можно: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию»? Ну, или в феодализм...

Далее по тексту: *От грамоты, от грамоты все идет, братья! Не в деньгах, мол, счастье мужик, мол, тоже человек, дальше - больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!*

Я тогда еще в школе учился, но ходил в вечернюю физмат-школу и почему-то воспринимал это на свой счет. Было это в обществе, такая «установка», не очень явно, но было. Все эти диссиденты, они кто? Все с высшим образованием. А то и кандидаты с докторами. Классовая «прослойка» ненадежная. А вот простой рабочий или колхозник, он никогда такого не придумает! Он за советскую власть, однозначно.

Румата с доном Кондором (один из землян, руководитель): *Я хочу еще и еще раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... - На лице дона Кондора появилось кислое выражение. ... И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно направляет на ученых всю серость в королевстве. Все, что хоть ненамного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.*

В этом месте я, школьник примерно 8-го класса в момент прочтения книги, уже насторожился. Даже в этом возрасте у меня тоже были некоторые вопросы к «базисной теории». А к окончанию университета в 1973 эти вопросы приобрели уже значительный размер. И не у меня одного; даже если судить по анекдотам того времени (капитализм стоит на краю пропасти и смотрит как мы там), явление было общее. Нужно было что-то делать. Неужели высшее руководство ничего не знало? Вездесущее КГБ... Или, пока информация через все этажи доходила до ЦК, сглаживаясь на каждом этапе, она приобретала совершенно безобидный вид? Но ЦК сам не понимал, что ли, как работает вся эта система? Сами же все проходили эти этажи. Общество ждало каких-то решений, а дефицит в магазинах все нарастал. А Политбюро надеялось, что «само рассосется». И к 1985 году «мы ждем перемен» дошло до предела. Каких перемен? Да хоть каких. Хотели – получите. Дон Рэба, который кинулся спасаться к «Святому Ордену», - это предчувствие Горбачева, который кинулся спасаться к западным либералам. АБС вас предупреждали. Ефремов предупреждал. Многие предупреждали...

Далее, дон Кондор призывает к терпению: *- Вы нетерпеливы, как ребенок, - объявил дон Кондор. - А надо быть очень терпеливым. Румата горестно усмехнулся. - А пока мы будем выжидать, - сказал он, - примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей. - Антон, - сказал дон Кондор. - Во вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом. - Но сюда-то мы уже пришли! - Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи.*

Ну вот, мы терпеливы. Очень терпеливы. До сих пор терпеливы. Шестьдесят лет терпеливы.

Румата думает: *Святой Мика, мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам... Мы все чаще ловим себя на мысли: «Да полно, люди ли это? Неужели они способны стать людьми, хотя бы со временем?» и тогда мы вспоминаем о таких, как Кира, Будах, Арата*

Горбатый, о великоленном бароне Пампа, и нам становится стыдно, а это тоже непривычно и неприятно и, что самое главное, не помогает...

Румата заходит по делу в Патриотическую школу: *По узким ступеням Румата поднялся на второй этаж и, звеня шпорами по камню, направился мимо классов к кабинету прокуратора школы. Из классов несло жужжание голосов, хоровые выкрики. «Кто есть король? Светлое величество. Кто есть министры? Верные, не знающие сомнений...», «... И бог, наш создатель, сказал: „Прокляну“. И проклял...», «... А ежели рожок дважды протрубит, рассыпаться по двое как бы цепью, опустив притом пики...», «...Когда же пытуемый впадает в беспамятство, испытание, не увлекаясь, прекратить...»*

Ушло в народ: *Не умом поразить тщиля, - с достоинством ответил отец Кин. - Единственно, чего добивался, успеть в государственной пользе. Умные нам не надобны. Надобны верные. ... Сейчас пишут мало прошений, благородный дон, - сказал он. - Одни считают, что просить бесполезно, а другие рассчитывают в ближайшее время взять без спроса.*

А если дать волю чувствам? *Да, они в Институте правы. Потом неизбежное. Кровавый хаос в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлученных всеми церквами, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие все живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни; и твои сторонники - веселые люди, смелые люди! - вспарывающие друг другу животы в жесточайшей борьбе за власть и за право владеть пулеметом после твоей неизбежно насильственной смерти...*

Что-то это нам напоминает. Возможно, 90-е...

Еще отрывок, заставляющий вспомнить дозволенные Хрущевым разоблачения: *Отец каждый день доносы переписывает, - продолжала она с тихим отчаянием. - А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в Веселой Башне дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись - и пьет... Так страшно, так страшно!..*

Разговор Руматы с отцом Гуром:

- Теперь я скажу вам, чего вы боитесь.
- Я боюсь тьмы.
- Темноты?
- Темноты тоже. В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

Мысли Руматы о населении: *Психологически почти все они были рабами - рабами веры, рабами себе подобных, рабами страстишек, рабами корыстолюбия. И если волею судеб кто-нибудь из них рождался или становился господином, он не знал, что делать со своей свободой. Он снова торопился стать рабом - рабом богатства, рабом противоестественных излишеств, рабом распутных друзей, рабом своих рабов. Огромное большинство из них ни в чем не было виновато. Они были слишком пассивны и слишком невежественны. Рабство их зиждилось на пассивности и невежестве, а пассивность и невежество вновь и вновь порождали рабство. ... Но все-таки они были людьми,*

носителями искры разума. И постоянно, то тут, то там вспыхивали и разгорались в их толще огоньки невероятно далекого и неизбежного будущего.

И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже неподконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера - атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку. Тот, кто упрямится, будет сметен более хитрыми соперниками в борьбе за власть, но тот, кто делает эту уступку, неизбежно и парадоксально, против своей воли роет тем самым себе могилу. Ибо смертелен для невежественных эгоистов и фанатиков рост культуры народа во всем диапазоне - от естественнонаучных исследований до способности восхищаться большой музыкой...

Нам нужны самолеты. Нам нужны станки. Нам нужны роботы, причем все это свое, российское – чтобы никто не мог по своему усмотрению санкции накладывать. Но как же раздражают эти творческие люди... Как сказал один мой начальник: «Умные мужики! Ну почему же с вами так трудно!»

Ушло в народ: Там, где торжествует серость к власти всегда приходят черные. Эх, историки, хвостом вас по голове...

Это царевичам: Дон Рэба всегда восхищал меня, - сказал дон Тамэо. - Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха, проложит нам новые пути и откроет сверкающие перспективы. ... Осененные благословением великого Святого Ордена, к которому я всегда питал величайшее уважение и, не буду скрывать, сердечную нежность, мы придем к неслыханному процветанию, когда ни один мужик не осмелится поднять глаза на дворянина без разрешения, подписанного окружным инспектором Ордена. Я несу сейчас докладную записку по этому поводу.

А это нам на будущее: Щенки мы, подумал он. В Институте надо специально ввести курс феодальной интриги. И успеваемость оценивать в рэбах. Лучшие, конечно, в децирэбах. Впрочем, куда там...

Ну, а этот длинный отрывок, собственно, и есть то, ради чего была написана книга (беседа Руматы с Будахом):

Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? - Он грустно оглядел слушателей. - Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И все потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало

кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

- Мир все время меняется, доктор Будах, - сказал Румата. - Мы знаем время, когда королей не было...

- Мир не может меняться вечно, - возразил Будах, - ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радуется глаз эта четкая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как все продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему еще меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. - Он поучающе поднял палец. - Зерно, высыпавшееся из мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зернышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

- Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? - удивился Румата. - После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

- Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

- А что, если бы можно было изменить высшие предначертания?

- На это способны только высшие силы...

- Но все-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

- Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

- Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

- У вас богатое воображение, - с удовольствием сказал Будах. - Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

- Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе.

Кира жадно смотрела на него.

- Что ж, - сказал он, - извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям волю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

- И это все? - спросил Румата.

- Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой. - Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

- Я бы попросил бога оградить слабых, «Вразуми жестоких правителей», сказал бы я.

- Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их. Будах перестал улыбаться.

- Накажи жестоких, - твердо сказал он, - чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

- Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Также жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

- Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

- И это не пойдет людям на пользу, - вздохнул Румата, - ибо когда получают они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Не давай им всего сразу! - горячо сказал Будах. - Давай понемногу, постепенно!

- Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

- Да, я вижу, это не так просто, - сказал он. - Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем, - он подался вперед, - есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

- Я мог бы сделать и это, - сказал он. - Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо заскрипели подводы. Будах тихо проговорил:

- Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или еще лучшие, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

- Сердце мое полно жалости, - медленно сказал Румата. - Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой.